

Д. М. БУЛАНИН

Из опыта работы над «Словарем книжников и книжности Древней Руси»

В процессе развития любой науки периодически возникает потребность обобщить результаты, достигнутые в отдельных конкретных исследованиях, подвести итоги определенного этапа в историографии. Итоговым трудом в изучении русской средневековой письменности должен стать и «Словарь книжников и книжности Древней Руси», над созданием которого работает Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома в течение последних десяти лет. «Словарь» призван разрушить ошибочное, но стойкое представление о бедности репертуара древнерусской литературы. Вместе с тем он должен стать серьезным подспорьем для всех, кто интересуется историей культуры Древней Руси. Словник «Словаря книжников и книжности Древней Руси», охватывающий имена всех русских средневековых авторов и деятелей книжной культуры, все анонимные литературные произведения XI—XVII вв., включает в настоящее время около двух тысяч названий, и эта цифра имеет тенденцию увеличиваться. Проспект издания был изложен в специальной статье, поэтому здесь не имеет смысла говорить о принципах составления «Словаря».¹ Остановлюсь лишь на трудностях работы по его созданию, ибо, и это верно для всех наук, осознание сложности той или иной проблемы есть уже первый шаг к ее решению.

* *
*

Историография, как и любая область человеческой деятельности, знает свои трагедии и комедии. История составления словарей русских писателей вообще и древнерусских писателей в особенности — по преимуществу трагическая страница отечественного литературоведения. У этой истории есть свои трагические герои. Напомню лишь об одном, самом знаменитом из них — Семене Афанасьевиче Венгерове, ибо его творческая биография поучительна для всех, кто берется за «словарное дело».²

С. А. Венгеров прославился не столько своими монографическими исследованиями (которых, впрочем, тоже немало), сколько словарными начинаниями. Это был подлинный мученик библиографии. О своем подвижническом труде С. А. Венгеров подробно рассказал в предисловии ко второму изданию «Критико-биографического словаря» — удивительном человеческом документе, своего рода «житийной» автобиографии.³ Чи-

¹ См.: Буланин Д. М., Дмитриев Л. А. Задачи и принципы издания «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси». — РЛ, 1980, № 1, с. 109—120. Прежнее название справочника решено заменить новым: «Словарь книжников и книжности Древней Руси».

² Очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова можно найти в кн.: Калентьева А. Г. Влюбленный в литературу. М., 1964.

³ Это предисловие разительно отличается от сухой биографической справки в кн.: Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова. Пб., 1920.

таются там и такие слова: «Пока я жив и не утратил работоспособности, и архив „Крит.-биограф. словаря“, и издание его имеют надежную охрану. Но меня заботит время, когда этой охраны не будет. Многочисленные примеры полного распыления собраний, над организацией которых люди трудились десятки лет, но не приняли предохранительных мер против их исчезновения и распыления. В своем предисловии я вижу одну из таких предохранительных мер. Описанием того, что собрано в моем архиве, я надеюсь создать ему друзей и покровителей в том неотдаленном будущем, о котором, не могу не повторить этого, было бы крайне легкомысленно не думать человеку в 60 лет. Если такие друзья найдутся, поручаю им судьбы дела, которому придаю значение как полному учету всех русских литературно-научных сил».⁴ Чтобы понять цену этих слов, нужно знать о судьбе прежних словарных предприятий С. А. Венгерова, о которых он сам рассказал в том же предисловии.

Мысль об издании «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых»⁵ возникла у С. А. Венгерова еще в период занятий в университете (1875—1879 гг.); он планировал выпустить этот труд в десятилетний срок, уместить его в двенадцати томах и поначалу энергично принялся за дело. «Я был молод, работал, можно сказать, с упоением, и до 8 выпуска Словарь был предприятием единоличным во всех отношениях. Я один писал и составлял его, один читал 3 корректуры, один вел сношения с, увы, немногими, но все же сотнями подписчиков, и один даже относил выпуски на почту».⁶ Скоро, однако, на пути издания возникли серьезные препятствия. Увлечшись критической частью «Словаря» и печатая в нем об иных писателях целые исследования, С. А. Венгеров понял, что ему не уложиться ни в десятилетний срок, ни в двенадцати томах. Привлечение новых сотрудников мало помогло делу, ибо на организаторе по-прежнему лежала основная нагрузка. Издание столкнулось с серьезными финансовыми затруднениями: оно расходилось плохо и не покрывало даже типографских издержек. В результате «Критико-биографический словарь» постепенно терял свой первоначальный облик: с четвертого тома в нем появился второй отдел, содержащий только материалы для «Словаря», с пятого — статьи печатались «не в алфавитном порядке, а в порядке накопления их»;⁷ шестой том, на котором прекратилось издание, назывался уже не «Словарем», а «Историко-литературным сборником». В итоге по первоначальному плану «Критико-биографический словарь» вышел лишь до статьи «Богоявленский».

Вторым по времени предприятием С. А. Венгерова, дочерним по отношению к «Критико-биографическому словарю», были «Русские книги». Составитель рассматривал этот справочник как «подготовительные работы» к «Словарю» и предполагал дать в нем описание всех русских книг, выпущенных с 1708 г. Издание финансировалось известным красноярским собирателем книг Г. В. Юдиным. Однако, как писал сам С. А. Венгеров, «борьба с „равнодушием публики“ оказалась непосильной»: составление и печатание только трех томов (последний из них обрывался на имени «Вавилов»⁸) «обошлось Г. В. Юдину в 20 000 руб.,

⁴ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд., совершенно переработ. и иллюстр. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915, т. 1, с. LXIX.

⁵ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1889—1904, т. 1—6.

⁶ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых..., 2-е изд., т. 1, с. VI.

⁷ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых..., т. 5, с. V.

⁸ Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках (1708—1893) / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1897—1899, т. 1—3.

и больше он таких расходов нести не мог». ⁹ Обращение за помощью в Академию наук не принесло плодов: тогдашний министр финансов С. Ю. Витте отверг ходатайство о субсидии.

В 1896 г. С. А. Венгеров задумал третий из своих справочно-библиографических трудов, также производный от «Критико-биографического словаря», — «Источники словаря русских писателей». Издание, печатавшаяся на средства Академии наук, планировалось выпустить в двух томах, однако, как и другие словарные затеи С. А. Венгерова, оно все более разрасталось, и к 1915 г. ясно было, что «Источники» займут не менее семи томов. ¹⁰ В предисловии ко второму изданию «Критико-биографического словаря» ученый еще был полон оптимизма, считая, что выпуск «Источников», «по-видимому, близится к благополучному окончанию». ¹¹ Сейчас мы знаем, что и этот труд С. А. Венгерова оборвался на четвертом томе (на статье «Некрасов»). ¹² Не удалось довести до конца и второе издание «Критико-биографического словаря» («Предварительный список русских писателей и ученых»), хотя оно продвинулось дальше других — до статьи «Павлов». ¹³ Историю венгерских словарей должны хорошо знать все, кто принимается за составление справочников: слишком грандиозные замыслы не всегда оказываются по плечу одному, даже увлеченному своим делом человеку.

Судьба справочников С. А. Венгерова — наиболее яркая, но далеко не единственная трагедия в истории словарей русских писателей, в том числе и древнерусских. Злой рок преследовал и другие начинания. Не был доведен до конца специально посвященный литературе Древней Руси «Библиологический словарь» П. М. Строева; издатель «черновых к нему материалов» А. Ф. Бычков не мог понять «столь быстрого охлаждения к труду» П. М. Строева, считавшего «Словарь» «необыкновенно важным делом». ¹⁴ Заглохло составление «указателя имен и предметов, относящихся к древнерусской письменности» П. П. Вяземского. ¹⁵ На полстолетия растянулось, не сдвинувшись все же с буквы Р, издание «Справочного словаря» Г. Н. Геннади. ¹⁶ «Левифан» — ненапечатанный библиографический указатель А. В. Смирнова и А. В. Скалона ¹⁷ — «безмятежно хранится в книжных усыпальницах» (пользуясь образным выражением Н. К. Никольского). ¹⁸ Не вышли в свет многие тома «Русского биографического словаря», значительная часть статей которого посвящена деятелям русской литературы начиная с древнейших времен. ¹⁹ Исключительно важная для истории древнерусской письменности работа Н. К. Никольского по созданию «повременного списка русских писате-

⁹ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых... 2-е изд., т. 1, с. XLIV.

¹⁰ Там же, с. XLVIII.

¹¹ Там же, с. XLVI.

¹² Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб.; Пг., 1900—1917, т. 1—4.

¹³ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых... 2-е изд. ... Пг., 1915—1918, т. 1—2.

¹⁴ Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, с. 6.

¹⁵ Памяти князя Павла Петровича Вяземского, почетного председателя имп. Общества любителей древней письменности. СПб., 1888, с. 3.

¹⁶ Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Берлин; Москва, 1876—1908, т. 1—3.

¹⁷ См. об указателе: Масанов Ю. И. Александр Васильевич Смирнов (1854—1918). — Советская библиография, М., 1948, вып. 5, с. 110—119.

¹⁸ Цит. по: Покровская В. Ф. Картоотека академика Н. К. Никольского. — Труды Библиотеки Академии наук СССР, М.; Л., 1948, т. 1, с. 145.

¹⁹ Русский биографический словарь, т. 1—25 (тома не имеют нумерации). М.; СПб.; Пг., 1896—1918. Не вышли тома на буквы В, Е, М, У; не закончены — на буквы Г, Н, Т.

лей и их сочинений» не пошла дальше XI в.;²⁰ одним выпуском (на буквы А и Б) ограничилось начатое тем же ученым издание «Материалов для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей».²¹ Полезная для специалистов по русской литературе XI—XVII вв. «Православная богословская энциклопедия» оборвалась на букве К.²² Не издана и «толковая библиография» древнерусской литературы, на протяжении многих лет составлявшаяся под руководством В. Н. Перетца.²³ Такова в самом кратком виде скорбная летопись словарных неудач XIX—XX вв.

В отношении словарей русских писателей нового времени положение все же не столь печальное. Об авторах XVIII—XX вв. можно получить справку в литературных энциклопедиях²⁴ и в некоторых других справочниках. Медиевисты же вынуждены довольствоваться либо устаревшими словарями Евгения Болховитинова и Филарета Гумилевского,²⁵ либо краткими и неполными указателями Л. Е. Махновца и И. У. Будовница.²⁶ Отсутствие книги, в которой можно почерпнуть краткие и точные сведения об авторах и произведениях XI—XVII вв., при увеличивающихся с каждым годом данных о репертуаре памятников древнерусской письменности становится все большим тормозом для дальнейшей работы медиевистов. Ученому приходится по крупицам собирать известия даже о хрестоматийных авторах, обращаться к старым справочникам с риском повторить имеющиеся там ошибки. И все же, как показывают многочисленные примеры, у ученого нет гарантии, что он не открыл уже открытого писателя, что он не напечатал уже напечатанное произведение. Итак, необходимость подготовки «Словаря книжников и книжности Древней Руси» диктуется самим ходом развития науки. Однако беспрецедентность подобного справочного пособия является в первой трудности, стоящей на пути его создания.

Вторая трудность обусловлена слабой изученностью эстетического своеобразия древнерусской литературы. Вместе с тем авторское самосознание в средние века, жанровая специфика произведений, особенности их поэтики — все эти вопросы эстетики приходится в той или иной мере решать при написании отдельной словарной статьи. Дело в том, что отношения писатель—редактор—писец—читатель подчинены были в средние века строгому этикету, который в значительной мере объяснялся особым местом книги в системе духовных ценностей Древней Руси. Все процессы, связанные с жизнью книги (ее «строение», т. е. все, что относится к изготовлению книги, ее чтению, книжные вклады), считались актами благочестия, ибо книга, как и икона, была неотчуждаемым иму-

²⁰ Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906.

²¹ Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.): Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. СПб., б. г., вып. 1 (изд. ОЛДЦ, № 132).

²² Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900—1911, т. 1—12.

²³ О картотеке «толковой библиографии» см.: Дробленкова Н. Ф. Сибирские материалы в картотеке В. Н. Перетца. — В кн.: Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975, с. 156—163.

²⁴ Литературная энциклопедия. М., 1930—1939, т. 1—11; Краткая литературная энциклопедия. М., 1962—1978, т. 1—9.

²⁵ Евгений (Болховитинов). 1) Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827, т. 1—2; 2) Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845, т. 1—2; Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. СПб., 1857, кн. 1; 2-е изд. Харьков, 1859; 3-е изд. СПб., 1884.

²⁶ Українські письменники, т. 1. Давня українська література (XI—XVIII ст. ст.) / Уклад Л. Е. Махновець. Київ, 1960; Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.

ществом древнерусского человека.²⁷ Отсюда сложности, с которыми сталкивается исследователь, когда начинает систематизировать конкретные факты. Начать хотя бы с определения причастности к литературному процессу каждого из древнерусских авторов.

Решено, что имена писцов не включаются в «Словарь книжников и книжности Древней Руси».²⁸ Однако грань между писателем и писцом бывает подчас провести нелегко, поскольку понятие авторской собственности если и не отсутствовало вовсе в Древней Руси, то во всяком случае значительно отличалось от нынешнего. «В каждую эпоху развития древнерусской литературы представления об авторской собственности изменялись в зависимости от жанра произведения и от „ранга“ автора (был ли он православным отцом церкви, князем, епископом или рядовым писцом)».²⁹ Переписка того или иного произведения незаметно переходила в его переделку, в его адаптацию применительно к новым условиям. В Древней Руси существовали писцы, которым было органически чуждо простое копирование оригинала. К числу их относится, например, знаменитый кирилло-белозерский книгописец Ефросин.³⁰ Между учеными возникают серьезные разногласия относительно участия отдельного писца в истории текста. Таков спор о вкладе в летописание Лаврентия, переписчика Лаврентьевской летописи.³¹ Писцовые, вкладные и владельческие записи составлялись в Древней Руси по определенному этикету, отражая не реальное, а идеальное положение вещей, поэтому делать выводы об участии составителей этих записей в судьбе памятника следует очень осторожно. Не всегда оправданы широко распространенные в научной литературе заключения, когда за наименьшим лучшей кандидатуры переписчика считают и автором произведения. Так, например, Михаила Ивановича Усачева, переписчика одного из списков «Риторики» (1699 г.), считают и ее составителем.³² Нуждаются в тщательной проверке даже ясные указания самой записи, что в список памятника внесены изменения. Известный библиофил XVI в. вологодский архиепископ Иона Думин любил отмечать в своих пространственных вкладных записях, что его книга «писана не с единого списка, но с различных добрых переводов».³³ Обращение к тексту рукописи показывает, однако, что эта формула не всегда соответствует действительности, а является порой лишь данью этикету. Условность авторской собственности в средние века предстает иногда и в другом ракурсе: можно ли безусловно доверять надписанию древнерусских сочинений и считать автором их того, чье имя выставлено в заглавии? Славянское средневековье создало свои авторитеты, и случаи, когда произведение приписывалось, к примеру, Максиму Греку, — не столь уж редкое явление. В какой мере официальные документы, подписанные царствующими особами или высшими иерархами, могут считаться плодом их собственного творчества, а не продукцией соответствующих кан-

²⁷ См.: Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой. — В кн.: Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980, с. 135—139.

²⁸ См.: Буланин Д. М., Дмитриев Л. А. Задачи и принципы издания... с. 111.

²⁹ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. 2-е изд., переработ. и дополн. Л., 1983, с. 263.

³⁰ См.: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 130—168.

³¹ См.: Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 77—98; Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. — Там же, Л., 1974, т. 29, с. 50—67; Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью. — Там же, Л., 1976, т. 30, с. 27—59.

³² См.: Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1951, т. 8, с. 352.

³³ Буланин Д. М. Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 179.

целярий? Решение этих вопросов имеет принципиальное значение, когда, например, идет речь о литературном наследии Ивана Грозного.³⁴

Как известно, значительная часть древнерусских литературных памятников анонимна. Анонимность их объясняется не скудостью наших знаний об авторах, а эстетическими особенностями средневековой письменности. Ведь анонимность не является универсальным правилом: закономерности, по которым в одних текстах указывается полное имя автора, в других — имя писца, в третьих — эти имена передаются тайнописью, в четвертых — отсутствуют вовсе, до сих пор всерьез не изучались. Между тем без понимания этих закономерностей атрибуция древнерусского произведения становится вполне произвольной. В старой историографии широко практиковалась «приблизительная» атрибуция, когда на основании имени, выставленного в заглавии произведения, оно присваивалось одному из многих носителей этого имени. Такой «приблизительной» атрибуцией злоупотреблял Филарет Гумилевский в своем «Обзоре русской духовной литературы». Например, в конце XII—XIII вв. в Древней Руси было несколько видных иерархов, носивших имя Кирилл и имевших то или иное отношение к литературе: 1) знаменитый Кирилл Туровский; 2) Кирилл I, епископ ростовский (умер в 1230 г.); 3) Кирилл II, епископ ростовский (умер в 1262 г.); 4) Кирилл I, митрополит киевский (умер в 1233 г.); 5) Кирилл II, митрополит киевский (умер в 1280 г.). Учитывая, что русским книжникам хорошо были известны также творения знаменитых византийских писателей Кирилла Иерусалимского и Кирилла Александрийского, а также просветителя славян Константин-Кирилла Философа, легко представить себе, какая путаница создалась в научной литературе по поводу атрибуции многочисленных древнерусских текстов, надписанных столь распространенным именем.³⁵ В эту путаницу внес значительную лепту и Филарет Гумилевский, произвольно распределивший сочинения с именем Кирилла (а иногда и без имени) между перечисленными русскими иерархами.³⁶

Думается, что правильной атрибуции отдельного памятника могут помочь наблюдения над тем, как проявляется авторское начало в различные эпохи и в произведениях различных жанров.³⁷ Как отмечал Д. С. Лихачев, «различные жанры по-разному относились к проблеме авторской собственности. „Чувство авторства“ было различно в жанре проповеди и в жанре летописи, в жанре послания и в жанре повести. Первые предполагают индивидуального автора и часто надписывались именами своих авторов, а при отсутствии данных об авторе приписывались тому или иному авторитетному имени. Вторые очень редко имели имена авторов; авторской принадлежностью их читатели мало интересовались».³⁸ Деление произведений на анонимные по преимуществу и авторские определялось в значительной степени внелитературной нагрузкой, которую нес каждый из жанров средневековой письменности. К примеру, отсутствие имени летописца должно было, вероятно, убедить в его нелицеприятности, ибо «составление летописных сводов было моментом историко-юридиче-

³⁴ См.: Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси. — В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 224—226.

³⁵ См.: Петухов Е. К вопросу о Кириллах-авторах в древней русской литературе. — СОРЯС, СПб., 1887, т. 42, № 3, с. 1—33.

³⁶ Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 3-е изд., кн. 1, с. 34—37, 46—47, 56—58, 58—62. К тому же Филарет по ошибке приписал Кириллу II, епископу ростовскому, перевод Жития Нифонта Констанцкого, осуществленный по инициативе Кирилла I.

³⁷ Необходимость учитывать жанровую специфику памятника при атрибуции впервые резко подчеркнул Д. Чижевский: Čiževsky D. On the Question of Genres in Old Russian Literature. — Harvard Slavic Studies, Cambridge, Mass., 1954, vol. 2, p. 105—115.

³⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., дополн. М., 1979, с. 70.

ским». ³⁹ В значительной своей части авторскими произведениями являются жития святых. Это также можно объяснить их дополнительной, внелитературной функцией — агиографу очень важно убедить читателя или слушателя в достоверности описываемого. Отсюда точные даты, конкретные географические названия; отсюда постоянные ссылки (с указанием имен) на очевидцев благочестивых подвигов святого, на свидетелей его чудес. ⁴⁰ Достоверность рассказа упрочивается надписанием имени самого агиографа: это как бы подпись протокола, гарантирующая его истинность. Памятники ораторской прозы чаще, чем произведения других жанров, приписывались древним церковным авторитетам, ⁴¹ что, по-видимому, также связано с особой сферой их употребления: они читались в церкви наряду с проповедями византийских отцов. Своеобразна даже сама форма указания на авторство в различных жанрах. Если в проповедях и поучениях имя ставилось в заглавии, ⁴² то в памятниках гимнографии имя автора часто скрыто в акrostихе. ⁴³

«Литературные жанры Древней Руси имеют очень существенные отличия от жанров нового времени: их существование в гораздо большей степени, чем в новое время, обусловлено их применением в практической жизни». ⁴⁴ По этой причине, выбирая писателей и книжников, безымянные творения XI—XVII вв., подлежащие включению в «Словарь книжников и книжности Древней Руси», не приходится быть столь разборчивым, как в отношении культуры нового времени, когда грань между литературой и письменностью вообще ощущается достаточно отчетливо. С. А. Венгеров, предлагавший отказаться от «ненаучного деления на крупных и маленьких писателей», ⁴⁵ вместе с тем хорошо понимал их неравнозначность. В XIX в., писал он, «когда параллельно увеличению числа хороших писателей народился целый полк безграмотных и полуграмотных сочинителей разного вздора, исходящего из Никольского рынка в Москве, и когда с чрезвычайным развитием периодической печати всякому сколько-нибудь грамотному человеку была дана легкая возможность напечатать где-нибудь заметку, статейку, фельетон, стихотворение, рассказ, относительно этого последнего фазиса нашей письменности, конечно, приходится быть разборчивым, потому что иначе желание отмечать

³⁹ Там же, с. 65. Ясно в этой связи, почему попытки приписать фрагменты летописи различным историческим лицам в большинстве случаев не выдерживают критики.

⁴⁰ См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 7.

⁴¹ Ср.: Сухомлинов М. И. О певдонимах в древней русской словесности. — В кн.: Сухомлинов М. И. Исследования по древней русской литературе. СПб., 1908, с. 441—493 (СОПЯС, т. 85).

⁴² См., например: «В неделю цветную о сказании евагельством святого Кирила»; «Слово Кирила недостойнаго мниха на съвятую Паску...»; «Слово Кирила недостойнаго мниха по Пасце...»; «Святого Кюрила мниха слово о съятии тела Христова с креста...» (Еремий И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 409, 412, 415, 419).

⁴³ См.: Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1862, ч. 3, с. 251—254. Именно благодаря акrostиху в последние годы удалось обнаружить неизвестные гимнографические произведения учеников Кирилла и Мефодия — Константина Преславского, Климента Охридского и Наума, см.: Попов Г. 1) Новооткрыта оригинална старобългарска част в текста за триода. — Български език, 1978, кн. 6, с. 497—507; 2) Из текстологическата проблематика на славянския триод: (Новооткрити творби на Константин Преславски). — В кн.: Славянска палеография и дипломатика. Доклади и съобщения от Семинара по славянска палеография и дипломатика. София, септември 1979 г. София, 1980, с. 72—86; 3) О наличии древнеболгарской гимнографической части в триоди. — В кн.: Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982, с. 122—131; 4) Новооткрити химографски произведения на Климент Охридски и Константин Преславски. — Български език, 1982, кн. 1, с. 3—26; Кожухаров Ст. Песенното творчество на старобългарския писател Наум Охридски. — Литературна история, 1985, кн. 12.

⁴⁴ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, с. 62.

⁴⁵ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых... 2-е изд., т. 1, с. XV.

всякого, предавшего что-нибудь тиснению, превратит свод литературы в свод макулатуры».⁴⁶ И все же составитель «Словаря книжников и книжности Древней Руси» также должен решать, можно ли считать статейный список, летописец частного происхождения (каких появилось много во второй половине XVII в.), дневниковые записи или письмо памятниками литературы.

Взять, к примеру, письмо — жанр, который в процессе развития культуры то утрачивал, то вновь приобретал литературное значение.⁴⁷ Засорять «Словарь» именами авторов бытовых писем, количество которых нарастало с каждым веком, но которые к литературе не имеют отношения, нет резона. Решая вопрос, отнести данное письмо к истории литературы или нет, следует, как представляется, обращать внимание на наличие в нем устойчивых эпистолярных мотивов (письмо как проявление дружбы, письмо как подарок, письмо как беседа и т. д.).⁴⁸ Ведь в средние века «те или иные традиционные формулы, жанры, темы, мотивы, сюжеты служили сигналами для создания у читателя определенного настроения. Стереотип не был признаком бездарности автора, художественной слабости его произведения. Он входил в самую суть художественной системы средневековой литературы».⁴⁹ Сознательное обращение к эпистолярным мотивам, к арсеналу эпистолярных формул в какой-то мере свидетельствует об эстетических установках автора письма. Важно также учитывать эпоху, в которую появилось то или иное письмо, ибо в истории русской культуры бывали периоды, когда послание становилось едва ли не ведущим литературным жанром. Эпистолярное сочинение уже не укладывается в рамки частного документа, перерастает в открытое письмо и тем самым становится достоянием истории литературы. Один из таких периодов приходится на конец XV—XVI в., время расцвета древнерусской публицистики, которая всегда сопровождается повышенным интересом к эпистолярному жанру. Все программные памятники этого времени облечены в эпистолярную форму: послания пишут Нил Сорский и Иосиф Волоцкий; послания составляют значительную часть литературного наследия Вассиана Патрикеева и митрополита Даниила, Максима Грека и князя Андрея Курбского; посланиями исчерпываются наши сведения о творчестве Федора Карпова; в послании формулирует знаменитую теорию «Москва — третий Рим» старец Филофей; в челобитной излагает проекты реформ Иван Пересветов; наконец, именно в послании обосновывает свою политическую программу глава русского государства — царь Иван Грозный.

Древнерусский писатель конструировал свой образ по определенной модели, используя «этикетные формулы», которые, по словам Д. С. Лихачева, «нуждаются во внимательном исчерпывающем описании и „каталогизации“».⁵⁰ «Этикетные формулы» нельзя прямо проецировать на действительность, пытаясь извлечь из них биографические сведения о том или ином авторе, данные о его творчестве. Это относится, например, к так называемой «самоуничижительной формуле» (*captatio benevolentiae*), не раз вводившей в заблуждение исследователей.⁵¹ Книжник, утверждавший, что он «поселянин», в действительности мог происходить из известного рода (как, например, Нил Сорский). Между прочим, именно от этой «этикетной формулы» отрешивается Иван Федоров, человек гуманисти-

⁴⁶ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. . . т. 1, с. 13.

⁴⁷ См.: Тынянов Ю. Н. Литературный факт. — В кн.: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 265—266.

⁴⁸ См. подробнее: Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Незданные тексты. Л., 1984, с. 107—117.

⁴⁹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, с. 71.

⁵⁰ Там же, с. 102.

⁵¹ См. подробнее: Буланин Д. М. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей. — РЛ, 1980, № 3, с. 137—142.

ческой культуры, в послесловии к львовскому «Апостолу», т. е. в том месте книги, где положено было продемонстрировать свое смирение. Первопечатник отверг предложение гетмана Г. А. Ходкевича заняться хлебопашеством: «Еже не удобно ми бе — ралом ниже семен сеянием время живота своего съкращати, но имам убо вместо рала — художество, наручных дел съсуды, вместо же житных семен — духовная семена по вселенней расевати и всем по чину раздавати духовную сию пищу».⁵² Если средневековый книжник пишет, что он не учился в Афинах (довольно распространенный элемент *captatio benevolentiae*), то ошибочно заключать отсюда, что он стремился побывать в Афинах или что другие писатели Древней Руси учились там, и т. д.⁵³

Прежде чем «этикетная формула» будет приобщена к рассказу о творчестве писателя, она нуждается в исследовании с точки зрения ее функционального назначения. Следует учитывать, что в средневековой литературе этикет нередко вступал в противоречие с сюжетом повествования. Ограничусь одним примером, на который обратил внимание А. М. Панченко.⁵⁴ До «проявления» мощей святого нередко никто не знал, где покоятся его останки. Таким образом, признания агиографа в том, что ему неизвестно, где похоронен герой жития, объясняются реальной жизненной ситуацией. «И не имамы поведати до сего дни, где его преподобное тело скуташа и сокрыша», — читаем в Житии Адриана Пошехонского.⁵⁵ Однако невозможно представить себе, чтобы Дружина Осоргин, автор Жития своей матери Ульянии Осоргиной, не знал, кто лежит в ее гробе.⁵⁶ Перед нами налицо этикетный мотив, возможно, впрочем, отражающий этикетное поведение средневекового человека в самой жизни.

Двумя отмеченными трудностями создания справочника по древнерусской книжности — беспрецедентностью этого издания и своеобразием эстетики в средние века — определяется в какой-то мере и третья. В отличие от обычной энциклопедии статьям «Словаря книжников и книжности Древней Руси» в большей или меньшей степени присущ исследовательский характер. Конечно, исследовательский момент здесь отнесен к типу «словарного». «Словарь» составляется прежде всего по печатным источникам. Если не в справочной, то в другой литературе учтены все почти авторы и анонимные произведения, статьи о которых будут помещены в «Словаре». В тех случаях, когда обнаруживались новые авторы или памятники, сведения о них обычно попадали первоначально в специальные публикации. Исследовательский характер статей «Словаря» проявляется в первую очередь в систематизации фактов, которые приходится извлекать из самых различных источников, фактов, которые так или иначе связаны с биографией и литературной деятельностью каждого из писателей Древней Руси, с судьбой каждого из анонимных произведений. Однако даже хрестоматийные авторы, когда данные об их жизни и деятельности собраны в одной более или менее лаконичной статье, предстают в новом свете.

Нужно обратить внимание и еще на одну особенность подготавливаемого «Словаря». Одним из отличий исследовательского, а не популяризаторского подхода к материалу служит номенклатурная полнота. Составители «Словаря книжников и книжности Древней Руси» стремились по возможности полнее охватить древнерусское письменное наследие, обращая специальное внимание на малоизученные разделы этого наследия. Это связано с особым адресом «Словаря», который рассчитан на людей,

⁵² Апостол. Львов, 1574, л. 261.

⁵³ См.: Буланин Д. М. Классическая культура в Древней Руси и проблемы ее изучения. — В кн.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979, с. 38—39.

⁵⁴ См.: История русской литературы: В 4-х т. Л., 1980, т. 1, с. 308—309.

⁵⁵ ГПБ, собр. Погодина, № 861, л. 978 об.

⁵⁶ См.: Скрипиль М. О. Повесть об Ульянии Осоргиной. — ТОДРЛ, М.; Л., 1948, т. 6, с. 286.

непосредственно работающих со средневековыми памятниками, — исследователей-медиевистов и сотрудников библиотек и архивов, занимающихся описанием рукописных материалов. Действительно, при описании рукописного сборника привычная иерархия ценностей утрачивает свое значение: для работающего с рукописью значительно важнее получить исчерпывающие сведения о второстепенных авторах и памятниках, чем об общеизвестных литературных деятелях и сочинениях, о которых можно прочесть и в популярных справочниках. На этот факт обратил внимание все тот же С. А. Венгеров, писавший о своем «Предварительном списке русских писателей и ученых» следующее: «Важно установить, что справка „Списка“ имеет весьма различное значение, смотря по тому, о деятеле какого ранга идет речь. Она не имеет никакого интереса, когда сообщает то, что найдешь всюду:

„Пушкин, Александр Сергеевич, знаменитый поэт, род. 26 мая 1799 г. в Москве, в дворянской семье, ум., после дуэли, 29 янв. 1837 г. в С.-Петербурге“.

Но чем меньше ранг писателя или ученого, тем значение справок „Списка“ увеличивается, по той простой причине, что ведь очень невелико число справок, которые „всюду“ найдешь». ⁵⁷

Адресуя «Словарь книжников и книжности Древней Руси» прежде всего медиевистам-профессионалам, авторы его не стремились соблюсти иерархию в объеме статей: очерк жизни и творчества хрестоматийного писателя может быть короче, чем статья о малоизвестном книжнике.

Любой справочник отражает современное ему состояние развития науки, поэтому номенклатурная полнота «Словаря книжников и книжности Древней Руси» весьма условна. Большая часть древних рукописей остается неописанной, а поверхностные описания других только вводят в заблуждение. Остаются в силе слова Н. К. Никольского, считавшего, что нынешний уровень наших знаний о литературе Древней Руси аналогичен тому, «на каком происходила разработка истории западноевропейской и византийской литератур приблизительно в первой половине XVII в., когда для нее не был еще собран и систематизирован фактический материал, необходимый для воспроизведения ее прошлого и для синтетического его освещения. Среди русских ученых XVIII в. не было таких неутомимых собирателей, какими были на Западе Дюканж, Монфоко, Фабриций, Cave, Oudin, Labbe, Ассемани и многие другие, без подготовительных работ которых, продолжавшихся около двух столетий, не могло бы, по отзыву академика В. Г. Васильевского, наступить развитие исторических и (добавим) историко-литературных дисциплин на Западе в течение минувшего столетия». ⁵⁸ К тому времени, когда рукописные сокровища Древней Руси будут приведены в известность, чему, хочется надеяться, поможет «Словарь книжников и книжности Древней Руси», объем сведений о русской средневековой письменности возрастет настолько, что потребуются издание нового, более полного словаря.

* *
*

Несмотря на отмеченные трудности, связанные со спецификой «Словаря книжников и книжности Древней Руси», несмотря на трудности подготовки любого справочника, ⁵⁹ работа над «Словарем» постепенно при-

⁵⁷ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. ... 2-е изд., т. 1, с. XIV.

⁵⁸ [Никольский Н. К.]. Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Л., 1929, с. 2—3.

⁵⁹ К числу их относятся, между прочим, жанровые особенности энциклопедической статьи, фактографической и не теряющей эмоционального стиля. Не лишним будет вспомнить, что писал А. С. Пушкин в рецензии на «Словарь о святых»,

ближается к концу. Однако богатый материал, собранный в архиве «Словаря», не должен лежать «под спудом». К рукописи «Словаря» уже сейчас постоянно обращаются медиевисты, ибо здесь можно получить надежную справку о многих писателях и произведениях. Поэтому было решено открыть в «Трудах Отдела древнерусской литературы» новый раздел: «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“». Здесь будут публиковаться те словарные статьи, в которых особенно отчетливо проявился исследовательский характер готовящегося к изданию «Словаря» и которые поэтому должны быть введены в научный оборот возможно скорее.

В «Словаре книжников и книжности Древней Руси» статьи будут расположены в алфавитном порядке. В ТОДРЛ удобнее группировать статьи по тематическому принципу, а внутри тем — по алфавиту: это облегчит пользование разделом. В настоящий том включены словарные статьи по четырем темам: «Летописцы и историки XI—XVII вв.», «Древнерусские летописи и хроники», «Оригинальные и переводные жития Древней Руси», «Четыре сборники Древней Руси». В ближайших томах предполагается напечатать подборки статей о русских средневековых повестях и сказаниях, о древнерусских деятелях книгопечатания и т. д. Можно думать, что раздел «Материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“» будет иметь смысл сохранить и тогда, когда сам «Словарь» выйдет отдельным изданием. Ведь каждый год приносит имена новых писателей, новые литературные памятники XI—XVII вв. Не все они удостоиваются специального исследования, но словарная статья о новонайденном произведении или авторе имеет большое значение. Краткие сведения о них, оформленные по определенным правилам и напечатанные в разделе «Материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“», смогут быть легко учтены при позднейших переизданиях, переработках «Словаря», а наиболее значительные из обнаруженных писателей попадут и в литературные энциклопедии.⁶⁰ Новый раздел ТОДРЛ может стать базой для подготовки и других словарей по древнерусской культуре: словаря писцов, словаря жанров, словаря метафор и символов.⁶¹

Первая тематическая подборка словарного раздела — «Летописцы и историки XI—XVII вв.» — включает статьи по основной теме словарных публикаций этого и следующих томов ТОДРЛ: «Малоизученные писатели и книжники Древней Руси». Статьи, посвященные авторам различных эпох, различных литературных направлений, сближает то, что все они содержат какие-то новые сведения об этих авторах. Некоторые из публикуемых статей представляют собой первую в науке сводку фактов о писателе или книжнике; в других статьях утвердившиеся в науке мнения корректируются благодаря обращению к рукописным материалам; в третьих — исправляются ошибки прежних справочников, смешивавших одноименных авторов; наконец, иные статьи представляют интерес полнотой библиографических данных.⁶²

изданный в 1836 г.: «Слог издателей должен будет служить образцом для всех ученых словарей. Он прост, полон и краток. Нам случилось в „Энциклопедическом Лексиконе“ (впрочем, книге необходимой и имеющей столь великое достоинство) найти в описании какого-то сражения уподобление одного из корпусов кораблю или птице, не помним наверно чему: таковые риторические фигуры в каком-нибудь ином сочинении могут быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя; но в словаре они во всяком случае нестерпимы» (Пушкин и А. С. Полн. собр. соч. Изд-во АН СССР, 1949, т. 12, с. 102).

⁶⁰ Публикация словаря на страницах журнала имеет уже прецеденты. Так, например, «Материалы для „Словаря литературных жанров“» печатаются на протяжении многих лет в журнале «Zagadnienia rodzajów literackich», начиная с первого тома (Łódź, 1958, t. 1).

⁶¹ Ср.: Буланин Д. М., Дмитриев Л. А. Задачи и принципы издания... с. 114—115.

⁶² В архиве «Словаря книжников и книжности Древней Руси» собралось значительное количество статей, посвященных писцам XI—XVII вв., которые, как было

Сказанное о словарных статьях по первой теме в полной мере относится и к статьям по трем другим темам — «Древнерусские летописи и хроники», «Оригинальные и переводные жития Древней Руси» и «Четыре сборники Древней Руси». Следует только добавить несколько слов о значении самих этих тем. Предложенный А. А. Шахматовым метод, заключающийся в сравнении текста реально дошедших летописей и последующем восстановлении утраченных сводов, произвел настоящую революцию в изучении древнерусского летописания. Трудом самого А. А. Шахматова и его последователей была создана подлинно научная история летописного дела в Древней Руси, которая нашла отражение и в отдельных статьях, и в нескольких монографических исследованиях.⁶³ Однако последовательное изложение развития древнерусского летописания с момента его зарождения и до исчезновения летописи как жанра, учитывающее новейшие достижения в этой области, у нас отсутствует. Приходится констатировать, что шахматовская статья для «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона⁶⁴ и приложение к книге Д. С. Лихачева⁶⁵ — единственные пособия, в которых можно получить справку об отдельной летописи. Что касается переводных хроник, памятников древнерусской хронографии, то здесь справочная литература и вообще отсутствует. Положение это тем более ненормально, что в изучении русских хронографов в последнее время достигнуты серьезные успехи.⁶⁶ Публикация словарных статей по теме «Древнерусские летописи и хроники» — один из способов закрепить результаты многолетней текстологической работы нескольких поколений ученых над историей русского летописания и хронографии XI—XVII вв.

Можно с уверенностью сказать, что из всех жанров русской средневековой литературы жития святых (и смежные жанры — «мучения», «деяния» и т. д.) — наименее изученный. Большая часть агиографических памятников Древней Руси до сих пор остается неопубликованной; о сколько-нибудь серьезном изучении истории текста или особенностей поэтики за малым исключением говорить не приходится. Для многих житийных текстов и по сию пору последним словом в науке остается знаменитая книга В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871). Систематизация материала в публикуемых словарных статьях поможет обнаружить наиболее существенные лакуны в изучении древнерусской агиографии и тем самым привлечь к ней внимание исследователей.

Хорошо известно, что большая часть памятников литературы Древней Руси дошла в составе сборников. Наряду со сборниками смешанного содержания (их иногда называют «энциклопедическими»), подбор статей в которых обычно определялся желанием писца или заказчика, в средневековой письменности были в ходу различные сборники устойчивого со-

---

сказано, не войдут в отдельное издание «Словаря». Учитывая, однако, во-первых, необходимость подготовки в будущем словаря древнерусских писцов и, во-вторых, отмеченную зыбкость границы между переписчиком и автором в Древней Руси, решено постепенно публиковать имеющиеся статьи о писцах в разделе «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“».

⁶³ Назову лишь основные монографии: Шахматов А. А. 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; 2) Обзорные русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.

⁶⁴ Новый энциклопедический словарь. Пг., б. г., т. 25, стб. 146—166. Статья перепечатана в кн.: Шахматов А. А. Обзорные русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 361—372.

⁶⁵ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 427—479.

⁶⁶ См.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

става с более строгой структурой. В большинстве своем это сборники уставных чтений, «возникшие или по крайней мере развившиеся и распространившиеся в силу их богослужебного учительного употребления, чтения в положенное Церковным уставом время и по определенному Ц. Уставом порядку».⁶⁷ Сборники уставных чтений, организованные по календарному (чаще всего) или тематическому принципу («Паренесис» Ефрема Сирина, «Лествица» Иоанна Синайского и др.), составляют, после богослужебных книг, основную массу книжной продукции Древней Руси. «В общем итоге пергаменных книг, сохранившихся от четырех первых русских столетий, около 67 % приходится на долю богослужебных рукописей, 29 % на долю четких церковных (т. е. сборников уставных чтений, — Д. Б.) и только 3 % на долю келейных, не соборных».⁶⁸ В четвертую тематическую подборку словарного раздела входят статьи, посвященные как раз сборникам уставных чтений (статьям предпослана заметка Т. В. Черторицкой «Уставные чтения», написанная специально для ТОДРЛ). Сборники эти остаются малоизученной областью древнерусской литературы. Роль их в истории русской культуры не исчерпывается тем, что в средневековых книгохранилищах они количественно преобладали над другими книгами и, следовательно, имеют первостепенное значение для реконструкции библиотек Древней Руси, и даже тем, что в составе сборников уставных чтений дошли многие памятники оригинальной русской литературы — сочинения Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского и др. Будучи наиболее распространенными и читаемыми книгами в Древней Руси, сборники уставных чтений оказали огромное, до конца еще не выясненное влияние на всю древнерусскую литературу, черпавшую из них и мысли, и примеры, и образы. Не случайно самое грандиозное книжное предприятие XI—XVII вв. — Великие Минеи Четии — было ориентировано именно на сборники уставных чтений. Художественное совершенство произведений Древней Руси объясняется во многом влиянием византийских образцов, которые у нас были известны прежде всего в составе сборников уставных чтений и которые делали излишними теоретические трактаты по поэтике и риторике. По справедливому замечанию Н. К. Никольского, «в истории церковного устава и назначенных им чтений следует искать разгадку и основного направления древнерусской духовной литературы, и последовательности в ее развитии, и частных интересов ее, и стилистических вкусов писателей, живших до половины XVII века включительно».⁶⁹

Самые опасные в науке ошибки — это ошибки словарей, которые должны верой и правдой служить исследователям на протяжении многих лет. Ведь словари устаревают гораздо медленнее, чем ученые труды, написанные в других жанрах. Сто лет уже пользуются и еще долго не смогут обойтись ученые без «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Стремясь, чтобы в отдельном издании «Словаря» не было упущений и ошибок, авторы его будут признательны всем, кто укажет на недочеты и пропуски в статьях, печатающихся в разделе «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“». Не с такой ли просьбой обращался к своим читателям еще Н. И. Новиков, автор «Опыта исторического словаря о российских писателях» — далекого предшественника «Словаря книжников и книжности Древней Руси»: «Всякий любитель словесных наук, имеющий сведения о ком-либо из наших писателей, в сию книгу не внесенных, или в поправление изданного, написав, может сообщить в письме к сочинителю сей книги, которое принято будет с благодарностью и со удовольствием

⁶⁷ Виноградов В. П. Уставные чтения. Сергиев Посад, 1915, вып. 3, с. 6.

⁶⁸ Никольский Н. К. Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси (XV—XVII вв.) и их значение для современной гомилетики. — Христианское чтение, 1901, ч. 1, с. 227.

⁶⁹ Там же, с. 226.

поместится в продолжение сего „Словаря“. Я не исключаю из сего и критик, на благоразумии и справедливости основанных: они тем приятнее для меня будут, чем более способствовать станут к приведению в совершенство сея книги». ⁷⁰

* *
*

При пользовании разделом «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“» необходимо учитывать принципы расположения статей внутри этого раздела и особенности оформления каждой словарной заметки.

Словарные статьи печатаются в ТОДРЛ по темам, а внутри каждой темы — в алфавитном порядке. Так, в настоящем томе в алфавитном порядке следуют: личные имена — в статьях по первой теме («Летописцы и историки XI—XVII вв.»), жанровые обозначения памятников («летописец», затем «летопись», затем «хроника» и т. д.) — в статьях по второй теме («Древнерусские летописи и хроники»), имена святых, которым посвящены агиографические сочинения (с инверсией жанрового обозначения — «житие», «мучение», «деяния») — в статьях по третьей теме («Оригинальные и переводные жития Древней Руси»), наконец, названия сборников — в статьях по четвертой теме («Четыре сборники Древней Руси»). Алфавитный принцип расположения распространяется не только на первое, но и на последующие слова, вынесенные в заглавие словарной статьи. Так, в статьях, посвященных летописям, алфавитный порядок распространяется на заглавия летописей («летопись Лаврентьевская», затем «летопись Радзивилловская», затем «летопись Троицкая» и т. д.).

Пристатейная библиография делится на два раздела, имеющих самостоятельные заголовки. Первый раздел — сочинения («Соч.»), если статья об авторе, или издания («Изд.»), если статья о памятнике; второй раздел — литература («Лит.»). Включенные в библиографию работы перечисляются в хронологическом порядке (если ученому принадлежит несколько работ, то все они помещаются под датой издания первой работы). Как в пристатейной библиографии, так и в тексте статей названия наиболее употребительных изданий приводятся сокращенно (перечень сокращений, дополняющий традиционно издающийся в ТОДРЛ список, приложен к словарному разделу настоящего тома). В тексте статей также сокращенно приводятся названия тех работ, которые имеются в пристатейной библиографии.

Поскольку публикацию архива «Словаря книжников и книжности Древней Руси» предполагается продолжить в ближайших томах ТОДРЛ, перекрестные отсылки (они выделены в тексте курсивом) даются не только на статьи, напечатанные в настоящем томе, но и на все другие, которые вошли в словник готовящегося к изданию «Словаря».

⁷⁰ Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772, предисловие, с. 4 (без пагинации).